

Взаимовлияние жизни и литературной фантастики

“Круглый стол” на конференции “Басткон”

В первом номере нашего журнала за 2007 год была опубликована статья историка и писателя-фантаста Дм. Володихина “Требуется осечка... Ближайшее будущее России в литературной фантастике”, в которой автор описывал картины настоящего и будущего нашей страны, представленные в книгах его коллег – отечественных писателей-фантастов. Тема взаимоотношений и взаимовлияния фантастики и жизни оказалась настолько интересной, что была поднята на литературной ежегодной конференции “Басткон”, которая проводится зимой в Подмоскowie. На “Басткон” приезжают писатели (как правило – фантасты), критики и литературоведы, переводчики (как правило – фантастики), издатели и редакторы соответствующих издательств и, наконец, читатели (фантастики).

На одном из “круглых столов” конференции “Басткон” состоялся разговор на предлагаемую тему, фрагменты которого мы здесь приводим.

Георгий Любарский (ученый, писатель)

Пред-писания (писанные предсказания)

Жанровая литература сейчас – в числе прочего – подгружает читателя специальными знаниями. В боевиках старательно рассказывается о тактике боя и системах оружия. В бестселлерах в довесок к сюжету проводят спецподготовку (Артур Хейли с его отелями и аэропортами, Умберто Эко с его ересями). Детектив давно известен как источник точнейшей и детальнейшей информации о быте страны: как американцы (англичане, французы) повязывают галстук, зажигают спичку, жуют ролик или пьют кофе – особенно подробно рассказывается в детективе. Это – буквально социально-антропологический вид литературы.

А многие жанры фантастики имеют дело с социальной реальностью. Неважно – альтернативная ли это история, космические войны, контакты цивилизаций в космосе, путешествия во времени – есть множество ходовых сюжетов, где просто “технически” положено уметь изобразить какое-то общество. Некоторые мастера относятся к такому изображению со страстью и рисуют целые картины устройства общества – что Левая (понятное дело) Рука Тьмы Ле Гуин, что ордусские придумки Хольма нашего Зайчика. Другие лишь пишут фон для основного сюжета, развлекательного, и другими задачами особенно не заморачиваются.

Но в любом случае выстраивать образ общества приходится. Иногда при этом просто транслируется сегодняшний социальный опыт

(с гипертрофией того или иного элемента), иногда добавляется какая-то идея.

И тут возникает занимательный момент. На 99 процентов (скажем так) эти описания общества – “просто” трансляция того, что писателю кажется привычным, обычным, понятным.

Описания общества в фантастической литературе – некоторый слепок представлений о современном писателю обществе, ценный для социолога

Например, в массовой фантастике 90-х годов все наперебой дрались, все эти бандиты, будь они хоть вампиры, хоть мутанты – все равно одни банды рвали в ключья другие. А потом появились, скажем, истории об империях...

Все это некоторый слепок представлений об обществе. При этом конденсированный, единый сюжет, по возможности непротиворечивый и т. п., и потому ценный для социолога. Социолог получает возможность подсмотреть, как представляется общество. То, что ни один респондент не выговорит, хоть ты с ним пять часов подряд беседуй за рюмкой диктофона, фантаст уже сделал или помнит, что сделали другие. Это – его профессиональное умение.

Как для антрополога-этнографа детективщик является первейшим информантом, так очень полезным может оказаться соединение знаний социолога и фантаста.

Кстати, о том одном проценте описаний, который остался. Фантастика, разумеется, также играет роль утопической литературы, формулируя ожидания общества, создавая проекты того, как и куда оно будет развиваться, и чуть-чуть влияя на это: просто подобранными образами, словами, сюжетами и проч. Делая одни миры – симпатичными, другие миры – неприятными, а третьи – вот это самое важное! – вообще не упоминая.

И потому крайне интересно попытаться как собрать в кучки те “сценарии общества”, что уже есть в фантастической литературе, так и пред-

ставить, о чем не говорится никогда (ну или крайне редко и без малейшего отклика).

Вот и хотелось бы узнать у профессионалов: если взглянуть отстраненно не на успех тех или иных авторов/произведений, а на частоту/симпатичность (для читателей? для фантастов?) повторяемых образов общества – что можно сказать?

Приведу для примера пару самых простых наблюдений, которые не сделает только ленивый. Налицествует любовь к образу империи – и, напротив, государства победившей демократии или коммунизма рисуются крайне редко. Нелюбовь к Америке: мир может быть любым, но Америка в нем должна быть силой темной, разрушительной и обычно проигрывающей схватку за будущее. Впрочем, второй пример не очень нам в тему: не хотелось бы здесь устраивать болтовню о геополитике, о возрастающей роли Китая и смятенной Европы для сырых русских равнин. Лучше все же об обществах.

Вот есть империи – а что еще есть? Есть ли какие-то особенные типы отношений между людьми – не о технических новациях речь идет, а о социальных? А придуманы ли новые социальные институты? Механизмы – да, лазер или там видеоманитофон, технические новинки придумывают – могут же придумать и социальные новации, не так ли? И здесь интересно не то, насколько правдоподобно придуманное, а показатель интереса: чего бы хотелось? Каждый социальный институт отвечает на желание – так какие желания, ценности стоят за выдуманными институтами?

Опять дурацкий пример, просто чтобы подчеркнуть уровень банальностей: в фантастике, боевиках всегда есть дружба, верность дружбе, дело по долгу службы или для государства. Во имя страны – не так часто, а вот личная дружба – чаще. То есть индивидуальные ценности кроют социальные, причем не все – скажем, особенной родительской любви не наблюдается, скорее дружба равных.

Это не к тому, что это обязательно так, – а просто чтобы попытаться задать образ возможных размышлений.

Окончание см. на стр. 55 →

→ Окончание статьи.

Дмитрий Володихин (писатель, историк)

Разорванные времена

Является ли тот образ общества, который виден в современной фантастике, моностилистическим – или все-таки полистилистическим? Что мы видим: общество единой культуры или многих культур? Когда я попытался подойти к ответу на этот вопрос с академической логикой, разложить материал по циферкам, ничего у меня не получилось – вышла лишь странная нечеткая зарисовка. Поэтому я буду делиться скорее впечатлениями, чем выводами. Впечатления у меня такие: *в фантастике присутствуют два разорванных образа общества, вернее, две разорванные группы образов общества.* То, что сюжетно обращено к настоящему, и то, что сюжетно обращено к будущему, различается весьма сильно. И я не вижу мостика, который связывал бы настоящее и будущее.

Настоящее фантасты в основном описывают не слишком утешительно. Александр Громов в большинстве своих романов, например, показывает, что современное общество с течением времени обязательно пойдет в тупик, а тупик обернется катастрофой. Олег Дивов – вспоминаю пресловутый роман “Выбраковка” – показал, что современное общество устроено совсем неправильно. В нескольких интервью он говорил об этом же, допуская, впрочем, возможность частичного исправления, улучшения социума. Столь же негативное впечатление от состояния общества присуще очень многим нашим фантастам. О современности пишут довольно мало, скудно, но когда пишут, реальность получается очень неприглядной. Полиона или моно- – не столь важно... Скорее все-таки моно-, но прежде всего – другое: доброго слова о ней никто не скажет. Что это такое? Это куль-

тура мутная, постларечная и одновременно чемоданная: то есть люди не чувствуют, что общество устоялось, что оно будет представлять собой стабильную социально-культурную среду для жизни на протяжении долгого времени. Ощущается его переходность: еще многое должно измениться, следовательно, надо сесть на чемоданы и подождать, когда начнутся изменения. Если попытаться дать этому состоянию определение, то может быть... это общество недоваренного капитализма. В романах, повестях, рассказах последних, наверное, пяти-шести лет видно вялое общее недовольство верхними эшелонами – в политике, в экономике, культуре, – и это недовольство не является радикальным, не звучит призывов к решительным действиям здесь-и-сейчас. Скорее наличие отказа в уважении, причем отказ достаточно всеобщий – я с трудом могу отыскать писателя, который сказал бы: нет, те ребята, которые нами управляют, поступают хорошо и правильно, мы можем ими гордиться, они сделали нечто полезное. Вместо этого в основном – потоки ворчания, которое по стилю напоминает конец 70-х – начало

80-х, насколько я, 69-го года рождения человек, могу вспомнить этот самый конец 70-х.

Я составил такое впечатление, читая, помимо Громова и Дивова, романы “Загон” Евгения Прошкина, “Синдикат «Громовержец»” Михаила Тырина, “Господин Чичиков” Ярослава Верова, труды современного писателя-политтехнолога Андрея Михайловича Столярова, книги Димы Скирюка... у последнего в обществе хорошо только то, что является либо маргинальным, либо неформальным, а все остальное – то ли мертвое, то ли медузообразное, но неприятное на вид и на ощупь. Главные социальные институты современности в нашей фантастике почти не упоминаются. Очень редко вылезает на свет президент. Условный какой-нибудь президент. Вячеслав Рыбаков

рассказал в романе “Человек напротив” странную историю: Борис Николаевич Ельцин сидит в тюрьме (это такая альтернативная реальность), и Бориса Николаевича из тюрьмы усилиями добрых людей вызволяют. Пожалуй, единственный пример, когда с реальным историческим лицом, занимающим высокий пост в стране, фантаст обошелся как с положительным персонажем. Так вот, если социальные институты все же упоминаются, то создается впечатление, что они: а) не решают профильных проблем, б) если и решают их, то сикось-накось. По текстам последних пяти-шести лет, обращенным к реальности наших дней, видно, как много накопилось грязи и искажений, которые не дают нормально работать буквально ничему серьезному. Повседневный быт вполне себе нормально функционирует: трамваи ездят, парочки целуются, и газировку продают. Но вместе с тем общее ощущение мерзкое: общество застряло в какой-то невыносимой серяentine.

В качестве исключения я могу привести, пожалуй, только одно произведение – это весьма интересный рассказ Людмилы и Александра Белаш из Пензы, называется он “Портал”, вышел в “Русской фантастике-2007”. Рассказ напоминает: пусть все мы недовольны, но это еще не худший вариант, все могло быть гораздо хуже.

Существует и так называемый Баклужинский цикл Евгения Лукина, задающий не монокультурное ощущение от настоящего, а поликультурное. В первый раз городки Баклужино и Лыцк появились в большой повести “Алая аура прото-

назад можно было говорить о том, что существуют два подобных лагеря, более или менее единых, а сейчас, когда эту книгу читаешь, перелистываешь, видно, насколько уплыла она в прошлое. Это Баклужино и этот Лыцк невозможны в современной России.

Теперь о будущем, о перспективах. Вариантов общества, отличающегося от нынешнего, в современной фантастике огромное количество. За последние 5–7 лет выросли целые группы образов виртуально возможного будущего. Повторяю, наше настоящее выглядит как нечто монокультурное, весьма неприятное, но не катастрофичное. А наше будущее выглядит как огромное количество разных вариантов, из которых ни один еще не выбран. Они идут не по сходящимся, то есть не в сторону концентрации, а по расходящимся путям развития. Ну вот, в частности, в последнем романе Бориса Натановича Стругацкого “Бессильные мира сего” содержится надежда на то, что хоть “мельницы Господа мельют медленно”, но постепенно вырастет человек культурный, человек вежливый, и из таких людей когда-нибудь в далеком будущем будет состоять общество. Ясно видно, что это общество будет держаться на либеральной основе. Есть варианты совершенно другие. Так, например, Вадим Панов показал для России вариант корпоративной глобализации, оригинальный, довольно неожиданный для нашей фантастики. Есть китайский вариант Ван Зайчика, и он года три назад был невероятно популярен. Сейчас, на мой взгляд, его популярность пошла на спад. Русско-китайская Ордусь Ван Зайчика мыслилась не столько как альтернативная реальность России, а как реальность, которая когда-нибудь, возможно, осуществится. Собственно, к этому и подводили читателя. Сейчас распространен вариант, скажем так, государственно-православный. В той или иной мере к нему можно подвести космическую трилогию Александра Зорича, ряд произведений Романа Злотникова, кое-что из моих романов. Он является далеко не единственным.

Существуют также катастрофические варианты будущего. Версия будущего, нарисованная Ольгой Славниковой, мрачна: полное разрушение всех остатков традиционного общества

Наше настоящее выглядит как нечто монокультурное, весьма неприятное, но не катастрофичное. А наше будущее выглядит как огромное количество разных вариантов, из которых окончательно ни один еще не выбран

парторга”. Лыцк населяет когорта красных православных, а Баклужино объединяет людей, более или менее европейски, прозападно, пролиберально ориентированных. Все это сделано с юмором и не так кондово, как я сейчас вам пересказываю. Ощущение такое: лет 10, если не 15

и приход виртуализированной реальности, нечеловечески холодной, в которой выжить крайне трудно. Все настоящее там гибнет. Это роман “2017”. Полная гибель цивилизации, совершенная ее же собственными руками, – в романе Ильи Новака “Демосфера”. Еще один исход: спокойное, сытое, зажиточное общество по всему миру; такая среда крайне худо влияет на творческие личности, гробит возможность появления чего-то оригинального, принципиально нового. Это описал Михаил Тырин в романе “Отраженная угроза”. Ну и вариант малых корпоративных звездных войн, которые в трех десятках романов представил Алекс Орлов. Везде, во всех случаях в будущем присутствуют Россия, русские города, русские люди. Что же касается вопроса о монокультурности или поликультурности общества, то, понимаете, если столь несхожие варианты будущего рождаются в наше время в умах фантастов, это значит, современная реальность позволяет сейчас конструировать различные биографии для России. И следовательно, зачатки всех этих маршрутов существуют в настоящем, современном обществе. Какое уж тут моно-...

Ну и последнее – самое, наверное, важное. Я так и эдак прикидывал, каковы маршруты перехода из серого, мутного, постларечного, чemoданного, недоваренного капитализма в сверкающие варианты будущего: в государственно-православный вариант, в западный вариант, в ордуцкий вариант. И я понял: в нашей фантастике не видно связи между образом настоящего и образом будущего. Люди, которые пытаются, как в “Пикнике на обочине”, провесить этот маршрут гайками, посмотреть, как можно из современного состояния прийти в то, которое желательно, встречаются очень редко. Из тех, кто пишет о будущем, может быть, один человек на пять или даже на десять пытается протопить такой маршрут. Получается с разной долей вероятности... Есть достаточно жесткие варианты, например военный переворот. И куда реже ставка делается на спокойное, эволюционное движение. Прозвучит, конечно, несколько пафосно, но, на мой взгляд, тот писатель ответит на невербализированный запрос общества, который будет сейчас об этих маршрутах писать, причем писать

вовне серьезно. Который будет посвящать этому романы и пытаться если не предугадать, то хотя бы предчувствовать, что может произойти и как в нужном направлении двигаться.

Роман Злотников (писатель)

Как мы скажем, так и будет

Фантастика для меня – это жанр, который может ставить вопросы (и отвечать на них), не имеющие юридически достоверного, но лишь статистически достоверный ответ. В свое время Роберту Шекли был задан вопрос (по-моему, на “Страннике”), как он относится к тому, что мусульманский мир начнет задавать направление движения и вообще направление развития всему мировому сообществу. Как раз было начало 2000-х, Аль-Каида, 11 сентября... Он говорит: такого никогда не будет, потому что я не знаю мусульманской фантастики. То есть если нет механизма, который некоторым образом формирует представление о направлении движения, то нет и четкого направления движения. Я не совсем согласен с ним, потому что такой фантастики, которая у нас является инструментом, там действительно нет, но надо очень внимательно относиться к религии, потому что любая религия определяет гораздо больше, чем мы привыкли думать.

Есть четыре варианта программ, которые двигают каждым из нас (хотя мы чаще всего считаем, что поступаем по своей воле, совершенно свободно, есть какие-то зашоренные люди, но это ж не мы...).

Первая программа – это язык. Все, кто знаком с основополагающими работами по NLP, знают пример, который приводил один из его основоположников. В языке племени североамериканских индейцев существуют всего три слова, которые обозначают цвет. И сразу вопрос: какой они видят раду? Естественно, трехцветной. Им и в голову не может прийти, что там какое-нибудь другое количество цветов. Так же язык, на котором мы говорим, во многом программирует нас, программирует наше видение этого мира.

Второй уровень программирования – это образец. То есть то, что мы воспринимаем как образец: образец успешности, образец для

подражания. Посмотрите, как мы быстро в конце 80-х скатились к блатате. В середине 90-х я ездил в дом отдыха МВД и немножко понаблюдал за молодыми лейтенантами: сущие блатные. Хотя чтобы офицер в советское время изображал из себя бандита – это было немислимо. Но в середине 90-х вся молодежь так или иначе пыталась изображать из себя крутых пацанов. Сейчас кое-что от тех времен осталось, но блатной стиль в основном отошел.

Третий уровень программ – это программы, задаваемые ячейкой социальной сети и социальным кластером, к которому мы относимся. Если мы научные работники, то мы соответственно ведем себя и действуем, разделяем ценности, которые приняты в нашем круте, и если мы члены тоталитарной секты, то разделяем ее ценности, поступаем так, чтобы вызвать одобрение наших лидеров.

И только четвертый уровень – экономика. То есть только на четвертом уровне мы действуем так, чтобы нам было каким-то образом выгодно это материально. Когда рухнул Советский Союз и та наша идеология, нам всем попытались объяснить, что на самом деле первых трех уровней не существует и все определяет экономика. И мы некоторым образом даже в это поверили.

Ситуация, к которой мы пришли сейчас, характеризуется тем, что первые три уровня у нас поражены. Язык у нас сейчас жутко засорен, это понимают все. Некоторые вещи уже нельзя выразить по-русски, чтобы тебя поняла существенная, важная для тебя часть твоих читателей. Они воспринимаются только по-английски. Образцы

Люди, которые пишут тексты, оказывают воздействие на общество. Они задают образ будущего, к которому хочется или не хочется присоединиться

сами видите. Слава Богу, в наших произведениях, как правило, все-таки образцы задаются положительные, хотя и не всегда. Социальная среда... об этом говорил Дима Володихин: подавляющее большинство наших граждан чувствуют се-

бя в сегодняшней социальной среде неуютно. Я все время говорю, что мои книжки – это та самая удочка, на которую я ловлю людей, с которыми мне точно будет комфортно. Потому что когда ко мне приходят и говорят, что мы ваши книжки читали, нам интересно, давайте поговорим, это, как правило, человек моего типа мышления, и он мне близок, и таким еще образом я формирую вокруг себя среду, в которой мне комфортно.

И только теперь с экономикой что-то начинает получаться. Но от этого-то нам, как выясняется на данный момент, ни хорошо, ни плохо. Более того, скорее плохо, чем хорошо.

В этом смысле наша с вами задача – воздействовать на общество. Люди, которые пишут и публикуют тексты, вне зависимости от тиража этих текстов оказывают воздействие на общество. Они задают образ будущего, в который хочется или не хочется поверить. Я часто встречал среди молодых авторов такое отношение: был Лев Толстой, который действительно оказывал влияние на общество, а я здесь самовыражаюсь и елочку свою пилю понемножечку, так что нечего тут ко мне лезть со всякой там мутью. Да нет же, на самом деле будущее будет таким, каким мы его напишем. Это точно.

Я начинал свои социальные эксперименты с серии “Империя”. Тогда была некоторая оторопь, народ начинал понимать: нам говорили, мол, давайте жить так, как французы и немцы, и главное – американцы, но вроде так не получается, да и нужно не совсем так. А как надо жить – непонятно. И были метания. Кто-то писал про царя, кто-то про то, как красные эскадры громят американцев из параллельной реальности (Федя Березин), кто-то, как Бурцев, панк-романы... И я вдруг понял, что надо сделать что-то, чтобы, грубо говоря, человек, почесав репу, захотел не просто это прочитать, а это делать.

Сейчас я считаю, что назрел роман или серия романов о “хороших богатых”. Которые, наверное, на самом деле есть, хоть их не так много. Эти романы могли бы быть восприняты ну хотя бы как повод для размышления, а может, даже в чем-то и как образец для подражания. Иными словами, надо задавать образцы. В среде русских богатых в основном популярны образцы в духе

Чикаго 30-х – они все мнят себя Аль Капоне, или алькапончики, или алькапонищи, и так далее, и тому подобное. И надо писать: ребята, вы другие, вы только притворяетесь этими алькапончиками – а на самом деле вы вот такие. Пусть начнут притворяться чем-то лучшим. Много ли их будет, не много – не знаю. Ну, с одной книжки – не много, один-два из нескольких миллионов, а может, и больше. Я в этом смысле все время помню об известной “Балладе о борьбе” Владимира Высоцкого. Я считаю, что ее должен знать наизусть или хотя бы близко к тексту каждый, кто начинает писать художественные тексты, помните, да? “Значит, нужные книжки ты в детстве читал...” Да. Так вот в том-то вся и соль: надо писать нужные книжки. Я, например, вдруг понял, что должны существовать книжки, которые я хочу прочитать, но их нет. И для того чтобы они появились, надо написать их самому.

Елена Хаецкая (писатель)

Что мы видим, когда смотрим фантастические сериалы

Последнее время я тупо смотрела по телевизору космические оперы одну за другой. Отчасти это освобождало меня от проблемы выбора, что посмотреть, потому что я смотрела следующую серию, а отчасти мне они очень нравились как разные варианты развития будущего. В общем, мы посмотрели “Крейсер «Галактика»”, “Стар трек”, “Вавилон-5” и “Файр флай”. И размышляли о том, какие ценности там присутствуют и какие ценности там отсутствуют. И вот что у нас получается.

Общество будущего во всех космических операх показано как общество монокультурное. То есть это такая практически американская модель, в которой разные национальности существуют просто как этнокультурные, забавные и даже милые этнические феномены. Общество выглядит, скорее, больше построенным на американских ценностях, чем на наших, старых добрых. Да, в этих обществах, как правило, господствует политкорректность.

Далее: это общество, несомненно, глобальное. В “Стар треке” глобализм показан как нечто очень положительное, и “Стар трек” – самый уютный из всех сериалов, то есть мне всегда очень хотелось путешествовать на “Энтерпрайзе”, находиться внутри “Энтерпрайза”, потому что там ужасно уютно, оттуда не хочется выходить, там сидишь – и тебе очень хорошо. В “Вавилоне-5” это несколько сложнее, но там в принципе тоже очень уютно. У меня такое ощущение, что люди “Вавилон-5” в конце концов решают любую проблему. Их там больше, в “Вавилоне-5”, этих проблем, чем в “Стар треке”, но ощущение такое, что они придут к такому же процветанию и благоденствию. В “Крейсере «Галактика»” все гораздо хуже. Тем не менее там тоже люди находятся перед лицом неминуемой катастрофы, но они тоже решают проблему. Там есть тетка-учительница, которая становится президентом вся Земли, и она настолько хорошо воспитана этим обществом, что в состоянии взять на себя командование всем, всем человечеством, которое осталось, и направиться куда-то на поиски. То есть какое общество должно быть, чтобы воспитать такого персонажа! Единственный антиглобалистский космический

сериал – это “Файр флай”. Там тоже общество победившего глобализма, но там положительные герои находились на проигравшей стороне. Им очень не хотелось глобализма, им хотелось иного... они превратились с его победой в маргиналов. Но по большому счету это тоже достаточно уютная цивилизация. То есть цивилизация глобализма в целом предстает как цивилизация очень уютная, там хорошо.

Но! В этих мирах присутствует колоссальное и пронзительное одиночество человека. Я не знаю, как это объяснить, но там никто не может с другим чем-то поделиться, они начинают что-то рассказывать – и сами себя обрывают, они все замкнуты в себе. В них отсутствуют дети, вся эта сериальная фантастика никоим образом не связана с детьми. А если есть, как в “Эндере” или в фильме “Солдат”, то их просто собирают в специально оборудованные места и там воспитывают. Из них делают идеальных программеров или идеальных убийц. Точно так же отсутствуют семьи. В этом уютном обустроенном материальном мире отсутствует нормальная семья: бабушка, дедушка, мама, папа, дети, внуки. Показываются только какие-то обрывки. Мужчина и женщина, которые сошлись, но ненадолго, потому что все равно – или война, или иные проблемы, или не объясниться им никак...

Мир будущего описан космической фантастикой как, с одной стороны, мир победившего глобализма, где более или менее решены материальные проблемы, а с другой стороны, как

Мир будущего описан космической фантастикой как, с одной стороны, мир победившего глобализма, а с другой стороны, как мир, где человек необыкновенно одинок

мир, где человек необыкновенно одинок, где практически нет ни семьи, ни детей.

Женственность и мужественность там реализуются только через общественные функции. То есть женщина – прекрасный воин, например. Или женщина – президент республики. И ее женственность реализуется в том, что она носит об-

тягивающие штаны или очень красивый деловой костюм и умеет по-особенному авторучкой жестикулировать. Нету такого, чтоб был сильный мужчина, способный спасти и поддержать, когда надо, и прекрасная слабая принцесса. Это отсутствует: принцесса Лея, например – что же это за слабая принцесса, которая замечательно стреляет из автомата?

Владимир Березин (критик, литературовед)

Мы никто и звать нас “пищевой пакетик”

Я бы хотел внести долю скепсиса в наш разговор о пикейных жилетах. Это вызвано двумя причинами. Первая из них заключается в следующем. Мы не совсем точно определяем предмет разговора. Общество и фантастика – это несколько более сильное и рискованное обобщение, чем мы можем себе позволить. Потому что большая часть той литературы, которая называется фантастической, на самом деле ничем не отличается от литературы боевиков, от детективов, беллетризованных сериалов и всей остальной печатной продукции. Она сделана по другим законам – по законам массовой культуры и совершенно не хочет никакой прогностики, а подчинена очень простому правилу: правилу зарабатывания денег. Поэтому я очень часто употребляю и в статьях, и в общении со студентами фразу о пищевых пакетиках, то есть о той самой пресловутой лапше быстрого приготовления, к которой прилагается вкусовой пакетик – маленький такой. И он разнится в каждом из типов этой лапши: со вкусом цыпленка, рыбы, говядины и чего угодно. Тут то же самое: большая часть фантастических романов, особенно романов потогонных, которые пишутся сериями по 20–30–40 штук, построена по одному и тому же принципу. Этот принцип неизменен: абсолютно архаический сюжет, в котором существует герой, который просыпается небритый, с похмелья, жена ушла, машину угнали, после чего он долго спасает мир и в конце получает некий бонус в виде новой женщины, новой машины и, возможно, денежных средств. Совершенно нормальная система, и если герой вооружен мечом или бласте-

ром, сути дела это не меняет. Мечи и бластеры – и есть пресловутый маленький вкусовой пакетик. Никакой прогностики здесь нет, это подчинение обычной, простой технической задаче: заработать деньги. В кинематографе это будет подчинено более сложной задаче: накормить армию сценаристов и кинопрокатчиков и так далее. Поэтому никакой прогностики в прямом ее смысле в современной фантастике я не вижу. Это первый принцип.

А второй принцип таков: в связи с падением приоритета чтения мы не можем говорить о том, что текст романа может кого-то о чем-то предупредить. Предупреждает несколько более сильная конструкция. Сейчас всякий роман представляет собой как бы такое дополнение в пакете, который раздается в прессе на презентации фильмов. То есть только тот роман, тот сериал может быть успешным, который экранизировали. Тогда он действительно становится идеей, способной овладеть массами. Пример – “Ночные дозоры”, которые принято поминать на всех мероприятиях. То же самое происходит с якобы фэнтези “Волкодав”: роман становится вторичным, первичным по известности становится фильм. Неважно, хороший он или плохой, тут могут быть разные точки зрения, потому что спарка кинематографа и книги работает в пользу кинематографа.

Поэтому говорить об идеях или стремлениях мы можем очень опосредованно. Не автор решает, какой социальный отклик вызовет его произведение, а целая армия сценаристов, переписчиков, копирайтеров, режиссеров, прокатчиков и так далее – вся эта огромная армия людей решает как бы вместе с ним, на самом деле – за него. Отсюда, кстати, и недовольство авторов, когда их произведения переписываются.

Если мы хотим понять, что происходит с обществом, мы можем понаблюдать за спросом на вкусовые пакетики, а не на лапшу. Не на костяк этого мифологического сюжета, а на то, какой пакетик сейчас пользуется спросом. Так же, как в супермаркете можно посчитать, что одной и той же лапши купили 800 единиц, среди них 700 единиц – с курицей, а 100 – с рыбой, и мы понимаем, что популярность рыбы по каким-то

причинам ниже. Но при этом мы понимаем, что съели-то люди один и тот же продукт, просто он был посыпан глютамином натрия ну вот в такой пропорции. Это первое обстоятельство.

Большая часть той литературы, которая называется фантастической, сделана по законам массовой культуры и совершенно не хочет никакой прогностики, а подчинена правилу зарабатывания денег

И второе: существует ли желание автора о чем-то предупредить общество? Мне кажется, нет. То есть оно существует на бытовом уровне, когда мы говорим с вами в комнате или рассуждаем, как пикейные жилеты, в Интернете. Но при этом никакой книги, реально поворачивающей механизм общественного мнения, я сейчас не наблюдаю. Не книги сейчас его поворачивают, а медиа, некие программы в медиа, то есть не единичный текст. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать.

Глеб Елисеев (историк, литературный критик)

Литература важнее идей, но и она всего лишь род цирка

Чаще всего дискуссии, которые ведутся насчет того, как отражается социум в фантастике, сами собой приходят к той самой теме, которая, как вы прекрасно помните, поднималась еще в 60-е годы: что такое фантастика – цель или прием?

Фантастика, в зависимости от той задачи, которую ставит перед собой автор, может быть как целью, так и приемом. Так вот, я считаю, что когда автор заранее ставит перед собой задачу смоделировать некое общество (“я хочу написать роман о прекрасном будущем” или “я хочу написать роман об ужасном будущем”), фантастика выходит ущербной. Все-таки фантастика – это в первую очередь литература. Я категорический сторонник старого тезиса Бориса Натановича Стругацкого о том, что фантастика ценна только как прием. Что любая литература ценна только

тогда, когда она говорит о человеке. О человеке не как о социальной единице – о человеке именно как человеке, эмоциональной личности. Все остальное прилагается. Да, можно при необходимости использовать некие фантастические элементы, но для выявления в большей степени

Фантастика – это в первую очередь литература, и она ценна только как прием, ибо любая литература ценна только тогда, когда она говорит о человеке

все той же эмоциональной составляющей, для лучшего описания героев. Классический пример – три самые знаменитые антиутопии. У нас есть замятинская антиутопия “Мы”, есть хакслиевский “Дивный новый мир” и есть оруэлловский “1984”. Ситуация, при которой сочинение Хаксли проваливается на фоне сочинений двух других титанов, связана именно с тем, что и Замятин, и Оруэлл ставили во главу угла судьбу одного человека в этом ужасном обществе. Их интересовала больше судьба номера Д-503 и Уинстона Смита, чем то общество, которое они рисовали. Хаксли же мало интересовала судьба дикаря или Ленайны – то есть главных персонажей. Он хотел смоделировать и показать кошмарное общество. Ну и что в итоге? Да, общество он смоделировал. Да, то общество, которое нарисовал Хаксли, гораздо более правдоподобно и, возможно, более реализуемо, чем то общество, которое нарисовали Замятин или Оруэлл. Но как

произведения литературные, как элементы, факторы литературы и “1984”, и “Мы” стоят на порядок выше.

Каждый писатель должен отдавать себе отчет в том, что он хочет сделать. Если вы желаете сделать беллетризованный политический трактат в формате фантастики – да, делайте его, это хорошо, это правильно, это может даже оказаться интересно, но знайте: с чисто литературной точки зрения он заранее обречен на то, что будет более ущербен, чем тот текст, в котором писатель исторгает из души нечто о человеке, а фантастический элемент вводит как дополнительное художественное средство. В конце-то концов, когда мы рисуем любого человека в тексте, мы волей-неволей рисуем и некое общество. Опять же, классический пример: вот, казалось бы, человек, полностью вырванный из общества как такового, – Робинзон. Но тем не менее, читая того же “Робинзона Крузо”, мы узнаем массу вещей об обществе. Так что пишите книги о героях, а не об обществе. Это будет гораздо интереснее и гораздо результативнее, а сама картинка общества приложится автоматически.

...А по поводу того, что говорил Владимир Сергеевич Березин... Я думаю, что все-таки на его стороне, к сожалению, правда. Может быть, Владимир несколько драматизировал ситуацию на данный конкретный момент, но то, что эта тенденция господствует и будет нарастать, – это сто процентов. Мы, к сожалению, вошли в такую фазу развития общества, когда, ну что же делать, литераторы действительно находятся в положении лжепророков, в положении изгнанных жрецов и оракулов. Вот когда-то мы

были велики и к нам все прислушивались, а сейчас в лучшем случае приходят и спрашивают, подорожает горох или нет. Раньше спрашивали о том, стоит ли воевать с Лидией, а теперь – какие завтра будут цены на рынке. Дело в том, что литература сошла на уровень развлекательного искусства, которое в нормальном обществе должно существовать. Артисты цирка не собираются и не размышляют о том, что вот, ребята, как бы завтра с трапеции на трапецию перепрыгнуть – и весь народ сразу поймет, как мы неправильно живем. Вот литература должна понять: мы находимся сейчас на положении артистов цирка. Развлекаем почтеннейшую публику... и ничего изменить нельзя. Да, писатели были властителями умов. И это было, кстати, не суть хорошо вообще, например, в том же XIX веке, но так было. Сейчас этого не происходит. Сейчас писатель может стать властителем умов, когда он воспринимается как проект некоей социальной группы. Вот есть действительно конкретный пример, который подтверждает вроде бы твой тезис. Книжка Дэна Брауна, пресловутый “Код да Винчи”. Книга была проектом, это признано. Есть прекрасная лекция дьякона Кураева на эту тему, где он это спрогнозировал, и потом честно ребята признались: мы запускали “Код...” как конкретный проект, он отработал себя на все сто процентов. И в идеологическом плане еще очень хорошие бабки откатили под это дело. То есть все прекрасно получилось. Вот такая литература, текст, воспринимаемый как проект, поддерживаемый на целом ряде площадок, вот он может сработать. А партизанские действия в этой ситуации – ну, они, увы, остаются партизанщиной. Они могут навредить, но войны они в этой ситуации не выиграют.

Елена Хаецкая

A parte

Меня изумляет то обстоятельство, что люди все еще читают. То есть когда спрашиваешь: если вы утверждаете, что добро сильнее зла, то почему же ваше добро до сих пор не победило, обычно отвечают: меня другое удивляет, почему зло до сих пор не победило? Вот меня удивляло, что лите-

ратура существует до сих пор, а потом я поняла, почему она существует. Она существует, товарищи, экзистенциально. Потому что наша цивилизация – это цивилизация книги. Причем абсолютно любая цивилизация и культура, и даже бедным мормонам пришлось создавать какую-то книгу, без этого они существовать совершенно не могли. Все проекты существуют на основании какой-то книги, и обязательно должна существовать книга, лежащая на столе, вся в красном переплете, и все бы на нее клали руку и говорили: “Я клянусь говорить только правду”. Такова экзистенциальная основа, на которой существует литература.

Я, кстати, не согласна, что цирк не влияет на нашу жизнь, потому что я видела совершенно замечательное представление, где человек с тигром идут по земному шару под потолком, и все это кружится, и сверкает, и вызывает в душе здоровые слезы по поводу могущества человека, который шагает как хозяин...

Александр Ройфе

(критик, исследователь, издатель)

Все бывает, однако...

Глеб Елисеев вполне разумно и логично призвал писателей писать о людях, о героях и не писать об обществе в целом. И утверждал, что невозможен вариант, когда книга, написанная исходя из каких-то идейных установок, войдет в века, останется в памяти народа и так далее. Дорогой Глеб, правда опровергает твои слова, потому что, скажем, такая вещь, как похождения Гулливера, описанные Свифтом, писались именно как сатира, как книга об обществе в целом, и тем не менее является классикой мировой литературы. То есть такие варианты возможны. Хотя, конечно, можно привести обратные примеры, но я как бы просто призываю не ограничивать его заранее этим обстоятельством.

И точно так же у меня есть несогласие со словами уважаемого Владимира Березина. Он утверждал, что сегодня невозможна определенная социальная прогностика, влияние на общество оказывает не книга, а медиа... С этим трудно

спорить, но тем не менее все-таки все зависит от конкретных авторов конкретных произведений. В одном небольшом рассказе писателя-политтехнолога Андрея Стоярова “Мы, народ” (если кто не читал, рекомендую всячески и искренне) содержится короткая и очень страшная история о том, как китайцы вытесняют из русских деревень тех, кто там по случайности до сих пор остался. Это самая конкретная социальная прогностика, жесткая, беспощадная и безжалостная. Конечно, может быть, этот рассказ, опубликованный малым тиражом в каком-то малоизвестном журнале, не перевернет общество, но тем не менее такие произведения пишутся, и нельзя писателей обвинять в том, что они не способны на сочинение подобного рода текстов.

Ольга Елисеева (историк, писатель)

Всегда литераторы бухтели, и не нам заканчивать

Дима Володихин рассказал нам о современном уровне фантастики, об описании современной фантастической литературой того мира, в котором мы живем. Иными словами, описании некой серятины – я бы на самом деле назвала ее чернухой, потому что серятина поуютнее чуть-чуть будет, чем то, о чем мы читаем в большинстве произведений, – и рассказал о том, что наше с вами общество глубоко собой недовольно, бухтит по поводу того, что оно живет в таком неуютном состоянии...

Мне вдруг пришло в голову: а когда оно не бухтело? Был ли хоть один такой период в русской литературе, начиная от ее классического состояния и переходя в состояние советское, когда наша литература – не общество даже, а именно литература – не бухтела по поводу того, что мы живем в сером, скучном, противном мире, где нам неуютно? Начиная с классики, начиная с... даже с князя Михаила Михайловича Щербатова, с его памфлетов о повреждении нравов в России. Это перешло во многие, к сожалению, произведения Пушкина –

хотя Пушкин был все-таки светлый гений нашей литературы, много ясного нам подарил, – и через Гоголя, и дальше, через Толстого и Достоевского, через Чехова, эта тенденция очень хорошо прослеживается. Наше дореволюционное общество все время продолжало бухтеть, хотя жило значительно более уютно, чем жило советское общество.

Затем забухтела наша советская литература интеллигентского любимого периода. Причем бухтела она не тогда, когда было действительно плохо, не тогда, когда людей эшелонами увозили в восточном направлении, а некоторых не довозили и расстреливали по дороге, не тогда она бухтела, а тогда, когда установилась более или менее спокойная жизнь второй половины XX века. Тут-то воробей оттаял и зачирикал вовсю, как мы серенько живем.

И сейчас у нас такая же, собственно, ситуация. Так, может быть, это показатель не состояния общества как такового, а состояния нашей литературы, это наше родовое пятно, это, может быть, наш крест, который мы несем и втюхиваем читателю постоянное бухтение? И Российская империя, и наше общество второй половины XX века кое-какими достижениями обладали, кое-чего было приличное. Нет, нас всегда тянуло на эту чернуху и серятину, и вот уже раздаются голоса, что мы действительно пророчествуем и востребуем это разрушение дальше.

Так мы два раза его накликали на свою голову. Наша классическая литература накликала нам 17-й год, хотя она не одна виновата: все наше образованное общество того времени требовало разрушения. Это раз. Потом мы второй раз разрушили свою страну именно такого рода эманациями и в литературе, да и в культуре в целом. Описывая нынче серятину, идем по той же самой выбитой колее. Ребята, смотрите, мы третий раз разрушим! Вроде бы как писание книг – это созидательный процесс, но мы посредством этого разрушаем, и нам уже нечего разрушать. И я стараюсь не разрушать, я громко пою о том, что вот, ребята, давайте кончать с этой серятиной, с нудятиной, с рассказом о том, как мы плохо, дурно живем. Живем – слава Богу! ■